

В основе подобных произведений лежит простая идея: человек пытается доказать себе, что пока он в состоянии переживать боль, он чувствует свое тело, он не потерялся в символической вселенной так, как это произошло с его сознанием. В случае с мифом о Шварцкоглере мы видим готовность доказать факт своего существования самым радикальным и парадоксальным образом — ценой собственной жизни.

Редукция человека к последней несомненности его существования — к физическому телу — обусловлена неудовлетворенностью современной культурой, утратившей критерии оценок, представления об Абсолюте, существующей в состоянии релятивизма. Человек же ищет определенности. Серьезной проблемой для современной культуры стало и перепроизводство визуальных образов, ставшее возможным благодаря развитию технологий, создавших условия для их тиражирования. Ж. Бодрийяр неслучайно пишет о подмене визуальными образами самой реальности. Цифровые технологии, доведшие образ до предельного соответствия реальности, становятся причиной наступления эры симуляции, где реальное заменяется знаками реального. В ситуации, когда иллюзорность замещает реальность, когда взгляд скользит по образам, большая часть которых виртуальна, человек утрачивает точки опоры, начинает самому себе казаться симулякром. Физическое тело в этом случае становится единственным несомненным достоянием человека, обитающего в культуре, все символические составляющие которой скорее уводят его от непосредственной реальности, нежели приближают к ней. В этом смысле современное искусство выступает своего рода противовесом ускользающей реальности: его внимание к боли как одной из самых ощутимых реакций тела на самом деле является иллюстрацией простой идеи: я чувствую, следовательно, существую. Пока эти интенции неочевидны и обнаруживаются только в искусстве: но вполне возможно, что поиск, ведущийся искусством в отношении выхода из затруднений современной культуры посредством обращения к «первоистоку», к телу человека, окажется плодотворен. Тема боли на этом пути является своего рода провокаторм и катализатором поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий // Элементы. 2000. № 9.

*Светлана Александровна ВАСИЛЕНКО —
начальник управления культуры
администрации г. Ноябрьска
kphil@utmn.ru*

УДК 18:37.036

ДЕТСТВО КАК ФАКТОР ЭСТЕТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

CHILDHOOD AS A FACTOR OF AESTHETIC-ANTHROPOLOGICAL SENSE-FORMATION

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается необходимость воспитания и формирования художественного вкуса у детей, стимулирования их творческой активности, влияющих на эстетическое развитие и нравственное становление личности ребенка.

SUMMARY. The article points out the necessity to teach children a sensitivity to art, to stimulate their creative activity, which has influence on their aesthetic development and moral formation of the child's personality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Художественный вкус, детство, эстетическое развитие, нравственное становление личности.

KEY WORDS. Sensitivity to art, the childhood, aesthetic education, moral formation of the personality.

Психологи, философы, педагоги по-разному смотрят на детское творчество. Одни считают, что все дети от природы поэты и художники, главное — не мешать им, пусть развиваются свободно. Другие считают, что поощрять детское сочинительство — значит растить графоманов, творчество детей надо направлять. А известный советский педагог В.А. Сухомлинский стоял за «стиховое воспитание детей», призывал приучать учеников к стихотворству и говорил, что в жизни детей важное место должно занимать словотворчество, поскольку благодаря ему дети становятся чувствительней к тончайшим средствам влияния — к слову и красоте. «Убогость слова, — говорил он, — это убогость мысли, а убогость мысли ведет к нравственной, интеллектуальной, эмоциональной, эстетической «толстокожести». И неважно, каким творчеством занимается ребенок, лишь бы он творил, лишь бы включалась в это действие вся его личность, способности, чувства, разум. Все получит развитие в дальнейшем и поможет потом при любой взрослой профессиональной деятельности. Пригодятся творчески развитый дух личности, навык творчества, владение творческими приемами, и замечательной движущей силой в деятельности взрослого человека станет испытанная и воспитанная творчеством радость от самого процесса созидательного труда.

Конечно, способности у всех разные: писателя без литературных задатков можно вырастить лишь посредством, впрочем, как и инженера при малых технических способностях. Природа, наследственность имеют немалое значение, но, тем не менее, множество экспериментов ученых доказывает, что способности можно возвращать — и очень значительные.

Композитор Д. Кабалевский считал, что у всех здоровых детей можно развить музыкальный слух. Оказалось, что успеху в музыкальных занятиях способствуют занятия спортом, математикой, танцами и литературным сочинительством. Законы творчества в разных видах деятельности имеют общие черты: занимаясь одним видом творчества, ребенок оказывается способным творить и в других сферах, то есть творчески развитая личность остается творческой в любом виде деятельности. Поэтому, заботясь о «пробуждении поэзии» в ребенке, мы заботимся о воспитании поэтического вкуса, языковой культуры и тем самым — о воспитании художественного вкуса в целом и о воспитании творческого, активного отношения к жизни и искусству. Художник Б. Неменский считает, что способности каждого человека можно развивать при постоянной целеустремленной тренировке, как развивают мускулы и память. «Моя мать, — вспоминала французская писательница Жорж Санд, — бессознательно и наивно открывала мне лицо прекрасного, с раннего детства приобщая меня к его проявлениям. Если она видела красивое облако или красивый закат солнца, светлую струящуюся воду, она останавливала меня и говорила: «Смотри, как красиво». И вот эти вещи, которые я, может быть, и не заметила бы, явились мне во всей их красе, как будто у матери был в руках магический ключ, открывающий мой разум тому неясному, но глубокому чувству, которое жило в ней самой».

Детство — благоприятный и ответственный период в художественно-творческом развитии личности. Запас эстетических впечатлений, полученных ребенком, невосполним на последующих этапах жизненного пути человека. В детстве берут начало художественные открытия. Детские воспоминания существенно влияют на формирование Я-концепции, и причины личностных проблем, творческих подъемов и спадов зачастую «родом из детства». Исследуя конфликты детской души, К.-Г. Юнг пришел к следующему выводу: «Первые жизненные впечатления — самые сильные и чреватые самыми большими последствиями, даже будучи бессознательными, а возможно, как раз потому, что они никогда не осознавались и потому не подверглись какому бы то ни было изменению» [27; 170]. Для теории и практики художественно-педагогической антропологии не утратил актуальности тезис Я. Корчака: «Познавать человека надо начинать прежде всего с того момента, когда он был ребенком, и стараться его воспитать» [7; 108].

Эстетическое отношение к миру доминирует в детской душе. Развивая эту мысль, В.В. Зеньковский обращает внимание на «печать импрессионизма», лежащую на эстетических движениях ребенка, на преобладание чувственного начала над рациональным в детском восприятии мира: «Психическая организация детства исключительно прекрасна, и этой красотой и грацией своей детство обязано той непосредственности, корень которой лежит в преимущественном развитии эмоциональной сферы» [5; 56]. Свойственное ребенку «эмоциональное ясновидение» позволяет говорить о детстве как сензитивном периоде в художественно-творческом развитии личности.

К разряду сложнейших проблем детской психологии относится исследование онтогенеза способностей. Общепсихическое и художественное развитие личности детерминируется не только генетической конструкцией, совокупностью генов, полученных от родителей, но и средой, включающей комплекс внешних факторов. Условно разделим их на микро- и макросреду. Микросреда включает все то, с чем ребенок вступает в непосредственный контакт, то есть ближайшее окружение: семью, школу, сверстников, друзей. Макросреду образуют такие факторы, как особенности национальной культуры, социально-политическое устройство общества, климат, особенности рельефа местности и другие.

Эстетические интересы ребенка универсальны, что проявляется в многообразии его эстетической активности, жажде творческой деятельности. В связи с этим В.В. Зеньковский замечает: «...дитя любит и рисовать, и петь, и лепить, и слушать сказки, играть на всех инструментах и танцевать. <...>... дитя никогда не может ограничиться эстетическим восприятием, как это сплошь и рядом мы наблюдаем у взрослых, — дитя неизменно стремится к творчеству, пользуясь всеми доступными ему средствами. Не один Айвазовский чертил углем, будучи мальчиком, на заборах... Если вы оставите на столе карандаш, можете быть уверены, что дитя им воспользуется, чтобы разрисовать все, что возможно. Раскрытый рояль влечет к себе дитя так же, как краски или какой-либо иной материал для творчества: дитя словно пользуется всяким поводом, чтобы творить, творческая энергия как бы ищет своего выхода» [5; 171].

Эмоции, сопровождающие процесс художественного творчества ребенка, существенно влияют на формирование мотивационно-ценностного отношения к этому виду деятельности. За этапом накопления ребенком первоначальных художественных впечатлений приходит потребность в самостоятельном творчестве. По мнению Л.С. Выготского, основной закон детского творчества заклю-

чается в том, что ценность его следует видеть не в результате, не продукте творчества, но в самом процессе: «Важно не то, что создадут дети, важно то, что они создают, творят, упражняются в творческом воображении и его воплощении» [3; 63-64].

Педагогу, знающему о жажде творческой деятельности у ребенка, необходимо лишь умело ее направлять. С.С. Прокофьев вспоминал, что интерес к музыкальному творчеству пробудился у него в процессе наблюдения за фортепианной игрой матери: «Вот тут и я старался примоститься к клавиатуре. Мать, занятая экзерсисами в среднем регистре, иной раз отводила в мое пользование две верхних октавы, по которым я выстукивал свои детские эксперименты. Довольно варварский ансамбль на первый взгляд, но расчет матери оказался правильным, и вскоре «дитя» стало подсаживаться к роялю самостоятельно, пытаюсь что-то подобрать» [12; 33].

Механизмы воображения и фантазии роднят художественное творчество с игрой. Поскольку в игре и в творчестве во всей полноте реализуются сущностные свойства человека, современные психологи определяют эти виды деятельности как форму жизни личности. Называя игру «естественной эстетической воспитательницей ребенка», Л.С. Выготский утверждал: «Игра ребенка не есть простое воспоминание о пережитом, но творческая переработка пережитых впечатлений, комбинирование их и построение из них новой действительности, отвечающей запросам и влечениям самого ребенка. Так же точно стремление детей к сочинительству является такой же деятельностью воображения, как и игра» [3; 7].

Вспоминая детские годы, Н.А. Римский-Корсаков подчеркивал игровую направленность своих музыкальных занятий. Отношение к музыке в детстве у него не было серьезным. Однако его музыкальная деятельность была пронизана исследовательским духом: «...музыку я не особенно любил или, хотя и любил, но она почти никогда не производила на меня сильного впечатления или, по крайней мере, слабейшее в сравнении с любимыми книгами. Но ради игры, ради обезьянничанья, совершенно в том же роде, как я складывал и разбираю часы, я пробовал иной раз сочинять музыку и писать ноты. При своих музыкальных и вообще хороших ученических способностях вскоре я самоучкою дошел до того, что мог сносно занести на бумагу наигранное на фортепиано с соблюдением верного разделения. Через несколько времени я начал уже немного представлять себе умственно, не проигрывая на фортепиано, то, что написано в нотах» [15; 15-16].

Трудно переоценить игровой опыт детства в личностном и профессиональном становлении каждого человека. В воспитании художественно одаренных детей с наибольшей силой проявляется эвристическая функция игры. Спустя много лет многие из них как в работе, так и в жизни сохраняют элемент игры, изобретательность и творческий подход — качества, которые столько дали человечеству и в материальном, и в эстетическом развитии. Творческие натуры и в зрелом возрасте сохраняют свойственное детям качество, названное К.Д. Ушинским «высоким мудрым детством души».

Социологи говорят, что почти все дети, имеющие в школьные годы дело с милицией, совсем не брали в руки книги. Причин того, что ребенок не полюбил книгу, может быть очень много. Мало было книг в его раннем детстве, не читали ему родители, не приучен он, опять же в дошкольном возрасте, к умственному труду (а чтение — труд!), и любой интеллектуальный труд ему тягостен и скучен. Порой учителя советуют детям: каждую начатую книгу надо

дочитывать до конца. Но еще Ф. Бэкон говорил, что есть книги, которые надо только «отведать», которые можно «проглотить», и только немногие стоит «разжевать и переварить», то есть одни книги нужно прочесть частично, другие — перелистывая, и лишь немногие — целиком и внимательно. Предназначение литературы — служить нравственному воспитанию человека. Но только та книга воспитывает человека, которая действует на него эмоционально. Уметь читать — это и наслаждаться красотой слова, и понимать то, что автор оставляет между строк для додумывания читателю. Через книгу, печатное слово у человека есть возможность перенять опыт не только родителей, школы, но и опыт народов, живших до него. И тот, кто пренебрегает этим опытом, не только ограничивает себя, но и тормозит дальнейшее развитие человеческой мысли. И, конечно же, красоту слова ребенок начинает ощущать в первую очередь через книги, которые ему сначала читают взрослые и к которым он потом приобщается сам. Книга — самый лучший инструмент и для развития чувств человека.

Мать великой русской поэтессы Марины Цветаевой, пианистка, мечтала видеть своих детей музыкантами. Усаживая за рояль малолетнюю Марину, радовалась, что слух у нее «от Бога», рука — «растяжимая», что в пять лет девочка почти берет октаву, что у нее полный сильный удар и удивительно одушевленное туше. «О, как мать торопилась, — вспоминала потом поэтесса, — с нотами, с буквами, с «Ундинами», с «Джейн Эйрами», с «Антонами Горемыками»... Чтобы сразу накормить — на всю жизнь! Как с первой до последней минуты давала, — и даже давила! — не давая улечься, умяться (нам — успокоиться), заливала и забивала с верхом — впечатление на впечатление...». Не догадывалась или знать не хотела мать, что дочки за роялем скучают, тоскуют, мучаются. Когда увидела, что у младшей, Аси, слух не тот, махнула на нее рукой как на музыканта, но возмечтала видеть знаменитой балериной.

Как много родителей, подобно матери Марины Цветаевой, мечтают видеть своих детей непременно знаменитыми, воплощая в них свои несбывшиеся мечты. «Мать залила нас музыкой, — писала уже взрослая Марина Цветаева, сама уже будучи матерью. — Она затопила нас как наводнение. Ее дети, как те бараки нищих на берегу всех великих рек, отродясь были обречены. Мать залила нас всей горечью своего несбывшегося призвания, своей несбывшейся жизни, музыкой залила нас, как кровью, кровью второго рождения... Каково же мне было, после невыносимого волшебства тех ежевечерних ручьев (тех самых ундинных, лесноцаревных...), слышать свое честное, унылое, из кожи вон лезущее, под собственный счет и щелк метронома «игранье»? И как я могла не чувствовать к нему отвращения? Рожденный музыкант бы переборол. Но я не родилась музыкантом»... Не знала, не замечала, не хотела замечать Мария Александровна, что под ритм метронома слагает ее дочь стихи, что другой дар, диктующий другое призвание, сделает ее дочь знаменитой.

Мечта матери сбылась. Может, не благодаря, а вопреки ее стараниям. Конечно же, постоянное общение с музыкой положительно повлияло на развитие поэтического дарования Марины Цветаевой. Сама она восклицала потом: «И какое счастье, что все это было не наука, а Лирика, — то, чего всегда мало, дважды — мало... то, чего не может быть слишком... Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики... После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом». Марина Цветаева права. Усиленные занятия музыкой в раннем детстве не помешали ей стать поэтом, пожалуй, именно потому, что музыка и поэзия

по своей ритмике, музыкальности и поэтическому взгляду на мир — два очень близких вида искусства.

Для воспитания этических и эстетических идеалов детей очень важна доброжелательная домашняя атмосфера. Великий русский поэт Александр Блок говорил, что этика и эстетика — величины одного порядка, этика есть искусство добра, а эстетика — искусство красоты. Насилие в приобщении к искусству вообще противопоказано. Как нельзя воспитать нравственного человека безнравственными методами, так невозможно воспитать положительные эмоции, обижая и огорчая ребенка. Взрослые лишь должны создавать творческую атмосферу, в которой ребенок произвольно, легко и радостно сам начинает творить. При этом следует помнить, что увлеченность возникает лишь в процессе активной деятельности самого ребенка и возможна при доброжелательном отношении взрослых к его фантазиям.

Детское сочинительство непременно должно сопровождаться чтением хороших рассказов и стихов, чтобы дети могли сравнивать свои сочинения с настоящими литературными произведениями, тем самым развивая вкус: то есть сочинительство обязательно должно идти параллельно с формированием тонкого читателя, чему способствует и чтение стихов вслух и наизусть, и поэтические вечера, и инсценирование литературных произведений. При этом важно, чтобы ребенок не только читал хорошие книги, но и слушал хорошую музыку, восхищался талантливыми полотнами художников, радовался общению с природой. Ребенка необходимо учить наблюдать, видеть, запоминать. Но все это возможно только в радостной обстановке, когда взрослые дают полный простор детской фантазии.

Вопросы развития творческого потенциала ребенка непосредственно связаны с проблемой «воспитания воспитателей». Согласно К.Г. Юнгу, личностные и профессиональные качества специалиста, работающего с юными талантами, должны быть конгениальны детской одаренности: «Воспитание одаренных детей выдвигает значительные требования к психологической, интеллектуальной, моральной и артистической восприимчивости у воспитателя, вероятно, даже такие, что ожидать от учителя их выполнения было бы совершенно неразумным. Ведь в таком случае он должен быть гением, чтобы правильно выявить среди учеников одно гениальное дарование» [27; 158].

Изучение феномена детства необходимо каждому учителю потому, что умение понимать ребенка, особенности его духовного и душевного развития представляет собой ценнейшее качество специалистов психолого-педагогического профиля. В последние годы много говорят и пишут о переходе человечества к новому миропорядку. При этом никто не может сказать, каким он будет. Все рассуждения, естественно, носят гипотетический характер. Гораздо больше определенности в оценке прошлого.

Каким будет новый тип развития? В связи с обострившимся глобальным кризисом — в том числе науки, культуры и образования — обострился и кризис личности современного человека. Молодые люди, пройдя дошкольное воспитание, обучение в младших, средних и старших классах школы, становясь взрослыми, не обладают положительным мировоззрением. Мир им не представляется благорасположенным к человеку. Современные молодые люди все меньше понимают, что они собой представляют, каково их настоящее призвание и назначение в мире, есть ли для них что-то выше материального благополучия, и каковы подлинно человеческие ценности.

Позитивная картина мира, складывающаяся в детские годы, зависит от того, какой след в сознании человека оставили музыка, поэзия, живопись, театр. Потому что академическое (классическое, народное, современное) искусство воспроизводит привлекательную картину мира, целостный характер подлинной личности. Другая фундаментальная особенность воздействия искусства на становление личности человека: и спонтанное раскрытие малыша в раннем онтогенезе, и игровая деятельность дошкольника, и обучение-развитие школьника внутренне строятся на содержании художественного образа. Именно художественно-образное мышление питает когнитивные, предметные и другие познавательные идеи детей и молодежи. Оно заставляет работать их воображение как первоначальное видение целого, их фантазию — как свободную, а затем и определенную детализацию всякого целого — и художественного и предметного.

Так при помощи искусства, «запускающего» образное мышление, человек получает возможность творчества в любой деятельности. Искусство делает человека личностью. В этом и есть пафос антропологического подхода. Человек изменяется как вид при последовательном освоении искусства. Появляется возможность творчески переживать свое личностное становление при помощи красок, форм и других выразительных средств и смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклыгин А. Л. Преображение духа школы // Играем с начала. 2009. № 03(65). С. 3.
2. Никитина Л. А. Исповедь. М.: Знание, 1991. 192 с.
3. Поголицына Ф. В. И пробуждается поэзия во мне. М.: Знание, 1988. 96 с.
4. Попов В. С. Пробуждение души. М.: Знание, 1990. № 3.
5. Ражников В. Г. Антропологический характер препятствий в педагогике и психологии искусства // Играем с начала. 2008. № 5-6 (55-56). С. 3.
6. Рубан М. Л. Эстетическое воспитание и развитие подростка как один из факторов социализации личности. М.: Первое сентября, 2004.

Татьяна Сергеевна КОЛОМЕЙЦЕВА —
соискатель кафедры философии
и политологии

Уральской академии государственной службы
(г. Екатеринбург)
kolomeytseva@yandex.ru

УДК 130.32

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ И.А. ИЛЬИНА К ПРОБЛЕМАМ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ

ANTHROPOLOGICAL SUBSTANTIATION OF I.A. ILYIN'S REFERENCE TO THE PROBLEMS OF HEGEL'S GNOSIOLOGY

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается гносеологический аспект исследования И.А. Ильиным философско-антропологических проблем Гегеля. Обосновывая методологию особого философского опыта, Ильин приходит к пересмотру значения роли человека в гегелевской философской системе.

SUMMARY. The paper considers the gnosiological aspect of I.A. Ilyin's research of anthropological problems of Hegel's philosophy. Giving ground to the methodology of